

**Эволюция польского вопроса в британских внешнеполитических концепциях
в 1916 – 1919 гг.**

Научный руководитель – Кузьмичева Анастасия Евгеньевна

Меркушина Татьяна Дмитриевна

Студент (магистр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Исторический
факультет, Кафедра истории южных и западных славян, Москва, Россия

E-mail: tat.merkushina2016@yandex.ru

В период с 1916 по 1919 гг. британский взгляд на польский вопрос претерпел значительную трансформацию, став результатом не только изменившихся послевоенных реалий, но и пересмотра всей британской внешнеполитической стратегии на континенте.

В 1916 г. Великобритания избегала чётких заявлений относительно польских национальных устремлений, поскольку её основной задачей оставалось поддержание союзнических отношений с ключевыми партнёрами, в частности, с Российской империей[1], на фоне затяжной позиционной войны. Лондон опасался, что преждевременная поддержка польской независимости может осложнить отношения с Петроградом, который рассматривал польский вопрос как дело собственной внутренней политики. Так, в меморандуме «Мирное урегулирование в Европе» от 4 октября 1916 г. первый лорд адмиралтейства А. Бальфур подчеркнул необходимость объединения «австрийской и германской Польши» с «русской Польшей»[1] под властью Российской империи. Однако ситуация начала изменяться после Февральской революции 1917 г., когда Временное правительство согласилось на создание Польской ликвидационной комиссии, что фактически означало подготовку к отделению Царства Польского. Этот шаг завершил превращение польского вопроса из внутреннего дела Австро-Венгрии, Германии и России в открытый международный вопрос.

В том же 1917 г. начали меняться не только стратегические реалии войны, но и подходы к будущему послевоенному мироустройству. На повестке дня появились вопросы национального самоопределения, получившие импульс от идей, изложенных в «Четырнадцати пунктах» президента Соединённых Штатов Америки Т. Вудро Вильсона, и транслируемые деятелями политического объединения «Новая Европа». На смену Коалиционному правительству Г. Асквита, рассматривавшего независимое польское государство как источник «болезни, от которого погибло старое Королевство»[1], к власти в Великобритании пришёл Имперский военный кабинет под руководством Д. Ллойд Джорджа, формировавший новую внешнеполитическую линию по отношению к Польше. Постепенно стало очевидно, что поддержка польской государственности могла быть использована как инструмент ослабления влияния Центральных держав, особенно в условиях их попыток создать контролируемую ими польскую администрацию. Однако при этом сохранялся важный нюанс: Великобритания не могла открыто выступать за объединение всех польских земель, поскольку значительная их часть оставалась под контролем Российской империи, которая на тот момент оставалась союзником Антанты. Лишь после Февральской революции и последующих событий, когда перспектива распада Российской империи стала реальной, британская дипломатия оказалась перед необходимостью выработки чёткой позиции по польскому вопросу, хотя до этого момента Лондон предпочитал сохранять осторожность во избежание осложнений в отношениях с союзниками[4]. В этом контексте поддержка польской независимости могла способствовать созданию буфера между Германией и будущей Россией, каким бы ни оказалось её новое государственное устройство.

К 1918 г. вопрос воссоздания независимой Польши стал одним из ключевых элементов британской дипломатии. Однако поддержка восстановления польской государственности не означала безоговорочного признания всех польских территориальных притязаний. Польские политики, особенно представители Польского национального комитета в Париже, добивались включения в состав будущего государства не только бывшего Царства Польского, но и Восточной Галиции, Верхней Силезии, Познани, а также значительной части Литвы, Западной Белоруссии и Волыни. Британская дипломатия, напротив, исходила из принципа баланса сил и стремилась избежать резкого перекраивания границ. С началом межсоюзнических прелиминарных переговоров после подписания Компьенского перемирия 11 ноября 1918 г. в британской политике выявились фундаментальные противоречия по, как впоследствии она была названа Д. Ллойд Джорджем, «польской проблеме»[2]. С одной стороны, Лондон поддерживал возрождение Польши как независимого государства, рассматривая его как способ обеспечения относительной стабильности в регионе. С другой стороны, британское правительство опасалось, что передел границ за счёт Германии в пользу Польши может спровоцировать новый очаг напряжённости на континенте, а потому стремилось избежать радикальных территориальных изменений[6]. Уже на ранних этапах мирных переговоров стало очевидно, что британская дипломатия не стремилась к чрезмерному усилению Варшавы, опасаясь укрепления позиций Франции, которая рассматривала Польшу как ключевого союзника в сдерживании Германии в странах Центральной и Восточной Европы. Хотя формально польско-французских союз был заключён лишь в 1921 году, уже в 1919 г. действия Франции — от дипломатического лоббирования её интересов до военной помощи — указывали на её стремление вовлечь Польшу в собственную внешнеполитическую орбиту. В то же время и польское правительство, приглашённое на Парижскую мирную конференцию, не скрывало ориентации на Францию, что подтверждалось, например, активным финансированием Польского национального комитета (ПНК) — организации, созданной в 1917 году для продвижения интересов польской независимости на международной арене, — французским министерством иностранных дел[3]. Для Великобритании это стало сигналом к сдержанности, чтобы не допустить формирования «франко-польского блока», способного в будущем нарушить баланс сил в Центральной и Восточной Европе.

На протяжении первых месяцев 1919 г. Великобритания выступала с поддержкой польских требований, отправляя, в том числе, гражданский и военный персонал на территорию страны для изучения внутрисполитической обстановки в государстве, а также анализа её экономического и промышленного потенциалов. Однако ситуация изменилась в марте 1919 года после публикации «Меморандума из Фонтенбло» Д. Ллойд Джорджа. Документ, подготовленный британским премьер-министром во время Парижской мирной конференции, призывал к умеренности в территориальных требованиях к Германии, предупреждая, что чрезмерное ослабление страны спровоцирует реваншизм. Это напрямую повлияло на подход Лондона к польскому вопросу: планируемые территориальные приобретения Польши, особенно в районах, рассматривавшихся как часть восточных провинций Германии, воспринимались главой британской дипломатии как фактор, способный стать прологом к новому военному конфликту в регионе и усилить позиции Франции в Центральной и Восточной Европе, нарушив тем самым традиционный баланс сил, к которому стремился Лондон[5]. Британский премьер-министр, а затем — Британская имперская делегация, обозначили новую стратегическую линию: отказ от безусловной поддержки территориальных претензий Польши на Западе[3], сосредоточившись на поиске более сбалансированного решения, которое отвечало бы долгосрочным интересам Великобритании: сохранению баланса сил в Европе через сдерживание французского влияния, предотвращение германского реваншизма и минимизацию риска новых конфликтов, угрожавших стабильности

на континенте.

Источники и литература

- 1) Ллойд Джордж Д. Военные мемуары. Т. 6. Москва, 1937. С. 268, 579.
- 2) Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах. Т. 1-2. Москва, 1957. С. 190, 268.
- 3) Российский государственный военный архив (РГВА). Фонд «Польские буржуазные учреждения и политические организации периода ПМК» (483к). Оп. 6. Д. 23. Л. 2; Д. 18. Л. 4.
- 4) Churchill W. S. The World Crisis, 1911–1919. London, 1923. P. 540.
- 5) Documents on British Foreign Policy. 1st Series, vol. V. London, 1958. N. 214.
- 6) Sprawy Polskie na Konferencji Pokojowej w Paryżu w 1919 r. Dokumenty i materiały. Warszawa, 1965. T. I. N. 28. S. 121.